

An aerial photograph of a glacier system, showing a large central meltwater lake surrounded by a network of smaller streams and channels. The ice is a mix of white and light blue, with darker blue lines indicating crevasses and flow patterns.

www.promegalit.ru

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН
ОГОНЬ НА ДВОИХ
КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Поэтическая серия
«ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

изяслав винтерман

огонь на двоих

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Изяслав Винтерман. Огонь на двоих: книга стихотворений - сер. «Только для своих», книга 4 - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2015 г. - 88 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 978-1-304-29231-5

© Изяслав Винтерман, стихотворения, 2015

© Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

СНЕГОГОЛОСЬЕ

Любовь всё делает прозрачным /9/
Я в бугристый лед поудобней лег /10/
Опять мне холодно и ясно /11/
К двенадцати – жизнь стала радостной... /12/
ЗИМА ЕЩЕ /13/
Зима. Пограничник съезжает с холма /14/
Пусть будет снег, и будет мне тепло!.. /15/
Я навсегда отравился зимой /16/
Он хотел делиться бы любовью... /17/
У меня есть свой сугроб – намело... /18/
Я видел, как стучал в стекло... /19/
Только неба рваный тюль.../20/
ПОСВЯЩАЕТСЯ СНЕГУ /21/
ТРИПТИХ /25/

МОРЕ МОЕ

С зимой покончил, осталось море!.. /31/
Жизнь закончится вот-вот /32/
AMORE-MORE /33/
Ажурное течение темных вод... /34/
Теплых краев всё меньше, они... /35/
И море открывает рот... /36/
Или свистать всех наверх... /37/

Сначала – мы с тобой!.. /38/
Молочная кожа тумана... /39/
Ты лежишь – вся в каплях воды и пота!.. /40/
Троллейбус спускается к морю... /41/

ВЕРИТЬ ВЕТРУ

Я ветер приведу домой... /45/
Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом /46/
ДИПТИХ /47/
Лечит ветер /49/
Я знаю точно, куда лететь... /50/
Мой самолет, присевший на цветок... /51/
Уже и воздуха мне мало /52/
Здесь столько ветра дует иногда... /53/
На улице порывы ветра... /54/
Заливая холодной кровью... /55/
Нас в небо подбросят? – Но птицы склюют на лету /56/
Когда была закрыта дверь... /57/

ПЕРВОЕ Я

Я говорю и с деревом, и с собакой... /61/
Человек от радости не спит /62/
Буду любить от радости, не от горя /63/
Я мог бы тысячу и раз... /64/
Ночь – это всадник без головы... /65/
Я, я стучу соседу в стену... /66/
И было нелегко, а стало трудно... /67/
Я иду от зимы не к весне... /68/

Голова моя, ты набита тем же... /69/
Не по морю плыву, а по луже /70/
Я отпускаю жизнь, опускаю... /71/

НЕ МОИ СТИХИ

Фото двух женщин и двух мужчин... /75/
Я прячусь от погоды и вины... /76/
Ты – пейзаж. Последний. Поэтому скромный /77/
У бабочки два лишних грамма... /78/
На яблочной диете Ева... /79/
Если идти вдоль берега по течению реки... /80/
Я спрятался – не видно, не найдешь /81/
Зарычит «Метро-Голдвин-Майер»... /82/
И Муза, как змея, куснет исподтишка... /83/
Вся стена в чешуе записок... /84/
Два раза мне приснились строки... /85/
И день не мой и ночь не моя... /86/
Еще одна реальность в дверь стучит... /87/

СНЕГОГОЛОСЬЕ

* * *

Любовь всё делает прозрачным.
Неудержимую слезой –
день – просыпается двузначным
числом испуганным – зимой.

Полет ресниц щекочет щеку
и ухо делает тугим.
И по неведомому счету –
мы счастливы совсем другим.

И даже тем, что время глупо
вот-вот откажется от нас.
А, может, и оно иглу под
сердцами держит всякий раз.

Не шевелись, замри навечно,
мгновенье лучшее из всех...
И по невидимой нам встречной
летит, светясь, прозрачный снег.

* * *

Я в бугристый лед поудобней лег.
Застывая в прозрачной нише,
я увидел колотый этот лед
изнутри, как спасенье свыше.

Время выло, рвало за воротник,
мяло воду в подмерзших лужах
на последнем вздохе, плывущих в них
глаз открытых сужая ужас.

А потом затихло, лед боль извѣрг.
Солнце раненое на пиках –
буйных сосен – нервно рвалось наверх,
рассыпаясь в холодных бликах.

* * *

Опять мне холодно и ясно.
Но ясность – враг номер один
на дне сознания – не даст нам
соединить огонь и дым.

Ты не запомнишь свет из окон,
как снег сочащийся на пол.
И не заполнишь третьим оком
пустот, которые нашел.

Снег набивает светом ясли
и залепляет в сердце щель.
Опять мне холодно и ясно.
Слова качнули колыбель.

Фью-ю-у – сдуваешь снег осевший
с вещей, со времени, с людей.
И он летит повеселевший,
но завтра будет холодней.

* * *

К двенадцати – жизнь стала радостной –
устал мельчить декабрьский день.
Вернулась кровь – сорокаградусной,
но холодно, что ни надень.

В моей крови так мало водки
и тающих кристаллов льда
зимы, передающей сводки:
где я и ты, где ты да я.

Потом в отчетах нас не будет,
растает линия огня.
Второе «я» мое остудит
желанья – первого меня,

и назовет холодным богом,
и вывалится в снежной тьме,
и спрячется во сне глубоком,
не оставляя нас во мне.

ЗИМА ЕЩЕ

Под бледной марлей января
машинки, домики – игрушки
больших и малых. Со двора
их унесло на хутор «Грушки».

Бегут на горку, с горки вниз –
(Зима: «Кого здесь намела я?») –
чужие, господи, вернись,
верни на место, умоляю.

Мы испаряемся, нас нет.
Под прошлогодним слоем снега
совсем другой какой-то снег,
как будто и не падал с неба.

* * *

Зима. Пограничник съезжает с холма.
Он бел в маскхалате – прощай, хохлома.
Он чист, он чекист по отцу и отца
желанью бежать, точно зверь на ловца.

И холм не полог, и судьба не пряма.
Скользит пограничник, разведчик-чума.
Под ватником толстым, под теплым бельем –
подросток, берущий то спуск, то подъем.

Он попросту спит, он летит в тишине
и счастья куски собирает во сне –
счастливое море, безбрежный уют
и жизнь бесконечную в пару минут.

* * *

Пусть будет снег, и будет мне тепло!
Жизнь горяча, насколько мы готовы.
Струится сквозь витражное стекло
свет ледяной: небесный и грунтовый –
по капле, по сверкающей серьге,
по зернышку и по слезе горячей.
Кто этот свет удерживал в себе,
чтобы раздать потом во тьме незрячей
и дальше жить среди горящих глаз,
ловя тепло от всех и отовсюду,
с последним богом сохраняя связь
и веря чуду...

* * *

«Большая кончилась зима»

Я навсегда отравился зимой.
Снегом холодным, но огнеопасным.
Связь, что держала меня над землей,
с чем-то божественным и ненапрасным –
будто исчезла. Из книжки своей
бог не нашепчет, чтоб силы вернулись.
Время мое я узнаю быстрее
всех, угадаю по линиям улиц –
город, в котором дышать тяжело,
но по-другому уже не дышу я.
Снегом наесться до боли, чтоб жгло –
рот открывая для колких чешуек.

* * *

Он хотел делиться бы любовью,
потому что больше было нечем,
потому что был еще не вечен,
озверён, а не очеловечен,
желчью рвал, не раз мочился кровью.

От борьбы, от грубых тел и сплетен,
мести ненадежного желудка,
ледяных ночей – «убей ублюдка!» –
выбило на нем его столетье..

Вот нашлись бы для него краюха,
рыбина с драчливыми глазами,
между злой землей и небесами –
столько чуда, что не жалко брюха.

Вот была бы у него царевна
с выпяченной в глаз ему скулою...
Он дарил любовь с усмешкой злою,
ко всему испытывая ревность.

* * *

У меня есть свой сугроб – намело
снега с четырех углов до небес.
Оседлаю белый горб. На метро –
не быстрее, только вспомни – я здесь! –

И такой, как ты хотела вчера.
Не почти, а именно что такой.
Успокой меня: что снега черта –
осевая между мной и тобой.

* * *

Я видел, как стучал в стекло
и гиб наверняка.
От облаков его несла накло-
нная река.

А я – свободный от огня,
от цвета вод с небес.
От глаз, спешащих отогна-
ть его от гиблых мест:

не важно, суша ли оно,
железная ль вода.
Из божьих дел удалено
различие, уда-

лена немалая их часть –
нет слов и сил на них.
Стучал в стекло, так постучать
мог только ты и ник-

то другой.

* * *

Только неба рваный тюль
марлевой повязкой.
Только рой счастливых пуль
над тряпичной каской.

Снега ветреная пыль
непрозрачной тканью.
Только свет на тыщу миль
поперек названью.

Не убитый, не живой,
дышащий неровно
тает мерзлою водой,
засыхает кровью.

Скрытый господом в снегу,
шепчет, связь теряя:
«Я запомню, что смогу
помнить, повторяя».

ПОСВЯЩАЕТСЯ СНЕГУ

-1-

Выпал снег. Слой по самые уши машин.
Вот, пора вспоминать, где лопата.
Где лопата, где я? – Я себя рассмешил,
в облаках рассмешил телепата.

Надувные он гонит на всех облака.
Мы б не сдулись, чтоб снег из нас сыпал.
Лучше мерзнуть, не сопротивляться пока
из-за холода и недосыпа.

Но к соседу – за взглядом его не-жены –
выйти будто из снежного клуба –
не за солью и спичками (вправду нужны),
но за радостью тех, кого любят.

-2-

Ничего естественного не будет –
ни дождя, ни снега.

Будут: язвы, саранча, лягушки;
золотое небо, огонь до неба;
вода для гуши, земля для юшки,
прозрачные люди.

Лед текущий остывшим светом
жизни и смерти,
вспышками их не к месту.
И поющий на выбор с ветром:
оду к радости, следом – мессу
торжества мести.

Папе

За меня боролся этот ангел,
чтобы я не умер никогда.
Белым снегом на пятнистом танке –
заезжают в город холода.

Полечу на кроличьей ушанке,
и в подмышках мраморных Венер
спрячусь и усну, и снега ангел
жизнь преобразит на свой манер.

Я поверю в нужность слов и силы,
и в борьбу за лучший мир, не свой.
«Отпусти его...» – тебя просили
за меня, пока я был живой.

-4-

Ничего не сделаешь со словами:
«снег пошел, снег идет опять».
Кто дежурит, где он?.. Прошу, здесь дамы...
Вот и он, чтоб снежок топтать.

Вот и он: весь в белом и будто в коме,
жаль, не хочет дежурство сдать.
Мы к вечерней смене все-все знакомы,
даже можем друг другом стать.

Ничего не сделаешь со словами:
«снег пошел, снег идет опять».
В этом цель зимы – постоять над нами
и быстрее дежурство сдать.

Все больные в белом и будто в коме.
Кто не умер, быстрее спать.
Но к вечерней смене мы все знакомы,
можем даже друг другом стать.

ТРИПТИХ

-1-

На микрорайоне выпал снег.
К черту все позамерзали трубы.
Колом лед, воды не то что нет,
но она тверда под ледорубом.
Чтоб ее не выпили жиды,
воду заморозили на время.
И теперь в ней просто нет нужды.
И не распознать ни в ком еврея.

Хрустнет вся небесная тоска
простыней крахмальной на морозе.
И воды изогнутой куска
не увидит падающий в позе
головую в землю – из окна –
пьяный и счастливый дух Ивана.
Он летит на отблески огня,
но и там ждет ледяная ванна.

-2-

На микрорайоне выпал снег.
Вышли мужички и девки дюжие.
Все они дебело-неуклюжие.
Я смотрю, что смогут, а что нет.

Будто кто-то спрятался в сугроб.
Ох, как раскопают, не обрадуют.
Хлопья с неба падают и падают.
Им еще корячиться по гроб –

разгрести. Что выпало, то выпало.
Это для меня здесь смысла нет.
Всё – курган, всё – чистый-чистый снег!
За него! И даже девка выпила.

-3-

На микрорайоне выпал снег.
До конца он никогда не таял.
Здесь зима устраивает всех,
будто арифметика простая.
Это раз! Сидим на кухне – два.
Времена уже не те, не эти.
Их прямая для меня крива,
(взять поправку на бухло и ветер);
Их кривая для меня пряма,
(жаль, что мимо денег, жизни мимо).
Всё, конец, танцуют все – зима!
А теперь: «За что мы любим зиму?..»

MOPE MOE

* * *

С зимой покончил, осталось море! –
Не видела ты зимой
чужие страсти в его растворе,
чтоб так оставаться мной.

И выпав утором соленым светом
на остриях ресниц,
дорожкой синей плыла ты следом,
не зная своих границ.

* * *

Жизнь закончится вот-вот.
Сколько там ее осталось:
на глоток небесных вод
и прозрачную усталость,
на спокойный океан
волн, исчерканных бореем,
снега талого стакан,
чтобы всё еще быстрее!

AMORE-MOPE

Теплые воды меня омывают забытого океана.
Гладят на пару с ветром по золотым лопаткам.
След от худого тела затягивается, как рана.
Волны шипят, прижавшись к песочным складкам.

Бисером кислорода – чувства со дна всплывают,
тонкой прозрачной нитью жизнь обозначив с ходу.
Стало на миг телесным, что никогда не бывает:
óжило, полетало, село на кислую воду...

Смотрит на тело, вверх – на облаков палатку,
пик, где белый флажок от смеха трясет щеками.
И ветер золу сгребает на золотую лопатку,
и синие волны бегут на берег с высунутыми языками.

* * *

Ажурное течение темных вод,
чередование дерганий и пауз.
Так едет поезд наш или плывет? –
Он на мосту, мост над рекою – парус.

Ни яблочек на станции купить,
ни семечек в кулечке из газеты.
И реющая птица будто спит,
укачиваясь воздухом нагретым.

Но это только кажется, что взмах, –
отступит ширь; гнездо – подать рукою...
А если нет? А если это страх
растягивает небо над рекою?

* * *

Теплых краев всё меньше, они –
дальше, а смерть всё ближе.
Листья считают последние дни,
дни наострили лыжи.

Олово осень вливает, льет,
утяжеляя участь.
Жалкого тела ночной полет
к морю – верхом на тучах.

* * *

И море открывает рот,
как на приеме у зубного.
А нас несет водоворот
подальше от всего земного.
И ходят волны-желваки,
до неба острый подбородок.
Но скоро поплывут венки
по морю – для людей и лодок.

* * *

Или свистать всех наверх,
или послать к общей матери.
Всех расстрелять, но не всех.
Ну, рассчитались, аматоры!
Первых – долой с корабля!
Винт не спешит с оборотами.
«Небо» рифмуя с «земля»,
«море» с «гнилыми болотами»
и «пузырями души»,
вижу ли светлые головы?

Вот, и вторые ушли
в муть, серебристое олово.
Мы остаемся одни:
я, Якобсон. Дата, подписи.
Неба чужие огни,
бёрега редкие поросли.
Теплые дни в темноте.
Жизнь то узлами, то «майлами».
Окна зажгутся: «Ты где?»
Берег в огнях не поймал меня.

* * *

Сначала – мы с тобой!
А дальше – как пойдет.
Возможно – без меня...
И море будет бить,
допустим, в левый борт –
бери право руля.

На берегу цветы
растекшихся медуз,
несдавшихся горгон.
В подносе отражен
пляж, краешек воды,
рассвет зеленым льдом.

И где-то на песке
растаявшие мы,
но видим далеко:
как в спекшемся куске
земли и неба – смыв
наш след и мы – никто.

* * *

Молочная кожа тумана
сжигается морем дотла.
Большой головой без обмана
Луна все решает дела.

Летучие прыгают рыбки
до этой больной головы.
Они простодушно негибки
и гибнут – лови, не лови.

Смеется Луна, как Виолы
с коробочек финских сыров.
И бризом полны альвеолы,
милльонами злых пузырьков.

* * *

Ты лежишь – вся в каплях воды и пота!
Всё играет здесь на тебя.
Заходящим солнцем вполоборота
смотришь: кто к нам явился? – Я!

Или я некстати? – Таким манером
видишь больше, чем имеет глаз.
Длинноногой тенью, как землемером,
отмеряя по морю нас.

* * *

Троллейбус спускается к морю,
к раздолью песка и воды.
Разбросаны камни апорий
и тьма глубины впереди.

Мы только что вышли из чрева,
скатились по мокрым ногам.
И море, лежащее слева,
пугает еще по ночам.

Рванем по прямой, по наклонной,
уйдем в глубину с головой
дорожкой синей, зеленой,
подкрученной, будто кривой.

ВЕРИТЬ ВЕТРУ

* * *

Я ветер приведу домой,
скажу ему: сидеть!
Скажу: лежать, стоять, лететь,
молчать передо мной.

Я приведу домой траву,
пускай себе растет.
Двух жизней новый переплет
теперь не разорву.

Я принесу огонь в руке,
гребну «зюйд-вест» – второй.
Не нарушая ветра строй,
исчезну налегке.

* * *

Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом.
Ужас выдавливая из нот, радующих потом.
Только что возненавидя свет и отключая слух –
ветер отыгран сто раз, спет, и наизнанку – сух.

Кто же увидел в нем дождь, снег, новых уродств боль.
Ветер бросается зол, слеп – вырвавшийся коббльд.
Он обойдется без слов, ласк, день оборвав, связь.
Сколько бы ветром ты не клялась, он в нашем окне увяз.

ДИПТИХ

-1-

Ветер дует, в моей голове опилки.
Золотая стружка солнца в холодном теле.
Можно просто лежать, поющие слушать жилки.
Бриз – мелодия, белый танец в постели.

Ветер кутает нас в облака из гусиной кожи.
Мы в ажурных объятиях дней навсегда живые.
На стеклянные ночи садятся во сне стрекозы.
В темных окнах – море и звезды сторожевые.

-2-

Ветер с моря подует, меня поцелует пылко.
Бриз похож на мелодию, тело – на белый танец.
Можно просто лежать, кузнечиков слушать пилки.
Если жить бесконечно долго, то рай настанет.

* * *

Лечит ветер.
В горле шумит прибой.
Морем лицо умой!
Если кратчайший путь по прямой –
нет между нами прямой.

Щиплет море,
искрится зеленый свет.
По проводам простор.
На перемотке бежит огонь – с вет-
ки на ветку с гор.

Белой дорожкой плит,
колонн, замшелых аркад.
Море кипит, палит
солнце. Рассыплется виноград.
Время – что конокрад.

* * *

Я знаю точно, куда лететь,
куда мне бежать и плыть.
Я тем и буду, кем надо быть,
и, может быть, умереть.

В случайных кадрах – я тот же зверь,
охотник на всех зверей.
Ласкаю самку, смотрю на дверь,
как в темный проем ветвей.

И знаю точно, что мне дано,
чего я желаю сам.
Быстрее всех я иду на дно,
к отверженным небесам.

* * *

Мой самолет, присевший на цветок,
не сознавая собственную тяжесть.
Фигуры пилотажа между строк,
размытых в небе высшим пилотажем...

Так бабочка не знает и летит.
А может, знает, и летит, порхает.
Ее фигуры – батик – шелк блестит.
Цветы цветут. Бог тихо отдыхает.

Закатаны по локоть рукава.
В траве ни звука, в облаках ни слова.
В полете всё. И бабочка жива.
И ничего на свете неживого.

* * *

Уже и воздуха мне мало.
Стихи – из легких пузыри...
И время будто вполнекала
зарытой в сумерках зари.

Сухим мне достается выдох,
вода в кристаллах – на узор,
и неизученного вида –
дыхание наперекор.

Кидаюсь воздуху вдогонку,
за жизнью – под откос лечу.
Дождь заворачивает в пленку –
и не ды-шу и не хо-чу...

* * *

Здесь столько ветра дует иногда,
что можно обменять на свет и воду,
на деньги – в них, как водится, нужда,
фюить – они по воздуховоду –
во все концы, но мы сведем концы
(раз ветра здесь полно, песка в пустыне
и то поменьше) – к одному, и ты не
поверишь – до чего мы молодцы.

На стол небесный, на давящий круг
всё возвращает тот же самый ветер.
Не ветер – это машет тыща рук.
Хлопками в воздух, продолжая вестерн.
Но в тот же воздух дважды не войти,
поскольку (не забудь, что мы в пустыне)
по кругу ветер всех всосет, но ты не
здесь уже, а может, и не ты.

* * *

На улице порывы ветра,
ты постирала паруса?
В окно стучатся километры
разгона степи на леса.

У нас немерено простора
и ветра, будто невесом,
солей и травяного сбора
для сожалений обо всем.

А за окном зима и осень,
весна и лето в чехарде.
Черед забыт, он был несносен,
поломан график: что и где.

Нас не спросили – будем рядом.
Мы здесь давно и ни при чем.
Голодный ветер – продотрядом –
дверь выбьет кожаным плечом.

* * *

Заливая холодной кровью,
темнотой на просвет узорной –
по вершинам и по низовьям,
маслянистым кругам озерным –
ветер, в сердце вживляя листья,
дни с прожилками слов последних,
над которыми помолиться
не успели, дымится след их.

* * *

Нас в небо подбросят? – Но птицы склюют на лету.
Нас в землю положат? – Воткнут корешком новой роши.
Донатор придет присмотреть место лёжки, плиту
и пепла вдохнуть не осевшего. Туч серо-пыльные мощи –
на запад! Но где он для нас? Расплескался восток.
И таяньем снега смывает, но время не ропщет.
И бред бесконечный, не стрельчатый... Общий восторг –
нам косточки все перемоем, но прежде растопчет.
И мы не узнаем ни камня, ни вод, ни других похорон.
Клянусь, что на праздник деревьев придут старички-пионеры.
И сверху прольется «ура» – буду им покорён...
И нам самолетиком сил распоследних доставят и крови, и веры.

* * *

Когда была закрыта дверь,
где этот ветер был?
Молчал? Болел? Молил: «Поверь,
я дул, что было сил?..

Я поднимался на этаж,
бросался камнем вниз.
Как будто высший пилотаж –
оставшаяся жизнь.

Потом свернулся калачом,
не открывая дверь.
И притворился кирпичом –
поверь, поверь, поверь...»

ПЕРВОЕ Я

* * *

Я говорю и с деревом, и с собакой
на непонятном даже мне языке.
Они отвечают – веткой качая, бляхой –
потусторонним – на внутреннем сквозняке.

Я приучил их к нервно-высоким ноткам,
когда матерю весь мир на его слонах.
Они понимают корою, хвостом коротким,
но я объясняю им на своих словах.

* * *

Человек от радости не спит.
Засыпает от переживаний.
Крутит боль свою как Вессон-Смит,
усмиряя с помощью названий,

для печали подобрав слова...
Радость рассчитается слонами...
А ему б проснуться – чёрта с два! –
вещими пожертвовать бы снами.

* * *

Буду любить от радости, не от горя.
Глядя слегка завистливо, как с вершины
кто-то спускается, задыхаясь от вида моря –
чудо его свершилось!

Что его ждет внизу? – (Не вдаваясь в детали),
дети, родители, сказки о добрых йети?..
А здесь, среди зелени ленной и вод талых –
жизнь тысячелетий.

Дай ему бог нарадоваться, как довод –
жить! Женщину дай, чтобы мириться с горем.
Дай ему море, сияющее медово
краешком над плоскогорьем.

* * *

Я мог бы тысячу и раз...
И тысяча и ночь вдобавок.
Считай, мой свет, до ста, и рас-
скажи другим, (прошу, без правок),
как было, скольких я потряс...
Насколько твой хорош рассказ?

Не торопи, пожить нам дай,
дай вместе надышаться светом,
потом пролиться через край
при water low. Ты угадай
насколько воплотились в этом...
И всё словами передай.

* * *

Ночь – это всадник без головы,
синий мертвецкий сон
и под глазами овраги, рвы.
Чертовым колесом –
жизнь: замираешь вверху, внизу,
страхи свои давя.
Око за око, и зуб за зуб,
и за слова – слова.

Может, над пропастью ночь нежна,
чувства не лгут на круг.
Просто лукавят, что мне нужна
ты – никакой не друг,
чтобы рубиться и ночь, и две,
крепкой хлебнув смолы.
Песнь о катящейся голове
хором поют стволы.

* * *

Я, я стучу соседу в стену –
всегда сосед найдется с дрелью.
Он одержим, он неврастеник,
он проводник по запределью.

Работает с душой и с телом,
что избежали ломки в прошлом.
Я не наивен: мягко стелет –
сверлит настойчиво и пошло.

Я, я стучу – аж слышно в небе!
Не он один, мы вместе спятым.
На первом зазвучит молебен,
на третьем породнятся с пятым.

...Мы успокоимся, как пара
сиамских близнецов, супругов.
Ночь щедро кипятком и паром
обдаст из чертового круга.

И с улицы голубоватой –
холодной, зимнею порою
войдет бригада: кто с лопатой,
киркой и ломом – что нам рюют?..

* * *

И было нелегко, а стало трудно,
когда упал всей тяжестью на грудь.
И колется в карманчике нагрудном
значок за грусть.
А я лежу, как пионер убитый,
что выронил флажок, продулся в дартс –
седой, воинственный, небритый –
не Гамлет, не принц Датс...
Всё хорошо вокруг, и солнце ярко!
Так выставлены неба зеркала,
что сам себя не видишь, перестарка.
О, дайте угол! –
Не дают угла.

* * *

Я иду от зимы не к весне –
а в обратном порядке:
вот ноябрь, а во сне –
даже лето в холодном припадке.

Желтозубое время дымит.
Затушив сигарету
в луже, будто на миг
и глаза вспышку приняли эту.

Видно, время, пора –
жизнь в разгаре сегодня.
Жаль, пришлось на четыре утра,
на июнь оказалось лишь годно!

Как бы я ни старался, ни шел –
путь к себе ни длинней, ни короче.
Я во сне приготовил обол –
и живу как хочю с этой ночи.

* * *

Голова моя, ты набита тем же,
чем и в детстве мои игрушки.
Вата, всхлипнув, не видит, как плачет стружка.
Машут Джамбли*, плывя по Темзе.

Я – за ними. Нежно мы воду бреем...
Не сдавайте меня матросам,
не бросайте велико- и малороссам...
О, я буду, я буду лучше!

«Север-тень-восток»* или четко: «север».
В голове – «Аврора», «Потемкин».
Предки – в печени. Не сказать – где потомки.
Глючит время, накрылся сервер.

Бузина наползает, скандалит дядька.
А язык уводит далече.
Голова моя то болит, то лечит,
и в глазах адресок: «slava.com».

* * *

Не по морю плыву, а по луже.
Не летаю – скребу, как по дну.
Только ужас тебе мой и нужен,
только боль понимаешь одну.

* * *

Я отпускаю жизнь, опускаю
листик в текущую под наклоном
струйку, ее поджимают с краю –
она уже речкой, а листик – кленом.

А я всё тем же – не обзленным,
третьим в компании Бома с Бимом.
А я все тем же – смешным, зеленым,
счастливым, любимым.

НЕ МОИ СТИХИ

* * *

Фото двух женщин и двух мужчин –
тени легли.
Что отделяет академию генштаба
от высшей художколы.

* * *

Я прячусь от погоды и вины,
от старости и страха,
невидимой свиньи,
визжащей лучше тенора кастрата.

Щетинятся осколками воды
все кучевые с перистыми в парах.
И оставляет луч на них следы,
прикончив тени в рваных шароварах.

* * *

Ты – пейзаж. Последний. Поэтому скромный.
Потом нас не будет, тогда и надо искать.
Лужи затянутся, раны. Острые кромки.
Воздух уставший стучит в висках...

Свет наливается хлорофиллом.
Солнце бледнеет, меркнет, уходит вниз.
Становится светопрозрачным илом
небо, и – вязнешь, и сыплется белый рис.

...Тогда и надо искать: снег или стружку,
пух или дождь – пристальней надо смотреть
на гóру, на пору, на голых друг дружку,
на жизнь и на смерть.

* * *

У бабочки два лишних грамма,
судьба исчезнуть без следа.
Стряхнуть пыльцу, кардиограмма
полета – просто никуда.

На крыльях влажная прохлада,
в глазах усталости значки.
И не выдерживают взгляда
ее широкие зрачки.

В них растворяются на годы.
И тяжелеют капли в них.
От смерти к жизни переходы –
не жил, не умер, и не вник...

А дождик на оконной раме
растет как дикий виноград.
У бабочки два лишних грамма,
на сердце шелковая пряда.

* * *

На яблочной диете Ева.
Но червячок не спит внутри.
Налив хрустит, а бог разгневан:
«Послушай, а не говори –

тебе рожать детей, да в муках,
любить, но слать их на войну.
Жизнь это хитрая наука,
давай незнание верну...»

Ладонями закроешь уши,
зажмурится с набитым ртом.
И голос бога – глуше, глуше,
почти невнятный обертон.

* * *

Если идти вдоль берега по теченью реки,
вниз по своей истории до лубяной избы –
вылезут ясноголовые, ясноглазые муравьи,
чудовища несусветные сглаза и ворожбы.

В землю они спускаются, выходя из реки.
И перед кем ответ они держат и держат ли.
Сами мы здесь пробегом, лица хотя б сравни –
с берегом и течением – не местные жители.

* * *

Я спрятался – не видно, не найдешь.
Кормлю семью, боготворю пещеру.
Хотел вскричать: «Я здесь!», но только дрожь –
бьет изнутри, от боли пасть и щерю.

Но только дождь – хор капель, шум и даль –
умеют акапелла, здесь я с ними.
Я замахнусь на время, кто бы дал
другую жизнь мне и другое имя.

Я только что еще тебя любил,
опутывая кровью и словами.
Но только дождь мне чувства все отбил,
и дрожь во мне и шевелит губами.

* * *

Зарычит «Метро-Голдвин-Майер» –
и я падаю, как король,
и в падении вынимаю
договор на главную роль.

Кольт мой холоден к жадным рыбам,
но сознание горячо –
скачет, прыгает (с перерывом
на подругу) – «Давай еще...»

Пусть рычит лев и птица воет,
умирают в конце не все.
Двое нас выживает, двое,
но зато уж во всей красе.

* * *

И Муза, как змея, куснет исподтишка,
и ночью свалится на голову седую.
Жить надо в темноте до третьего стихка
и дуть на плоть горячую – я дую –

она же горяча, как никогда!
Как будто кровь подогревает водка.
Мне жалко всех (так им и надо, да?..) –
Так и живу, а я хотел бы вот как...

* * *

Вся стена в чешуе записок:

– «сыр купить, молоко и хлеб»,

– «корм для рыбок, песок для кисок».

Денег где-то занять, но где б?..

– «не забыть погулять с собакой».

Кстати, где она, если есть.

Кто мне пишет? Читай и «дакай»,

что согласен их все прочесть.

Дух подруги мне пишет – точно!

Над записками ржет не вслух.

Он застрял здесь, в трубе проточной,
от почтовых услуг припух.

Клеит ночью листок к листочку –

однорочники – десять в ряд,

чтобы выстроить жизнь, как строчку,

и такую, чтоб я был рад.

* * *

Два раза мне приснились строки,
горящие в своем огне.
Все изменения жестоки,
боль всё еще приносят мне.

Молчат пустыни злые воды,
поют лечебные пески.
Придут на берег скотоводы
для обсуждения тоски.

* * *

И день не мой и ночь не моя,
и сна ни в одном глазу –
в теплые он убежал края,
а я в ледяном лесу.

И колют иглы в лицо, в живот,
и в бок, когда на боку –
сквозь толщу лет и наплывших вод –
куда я от них сбегу.

Как лес дремучий, моя постель,
как ветер – простертый в ней.
И солнца нет, и луны постель –
делает мертвенней.

И утомленный косой луной,
поиском сна во сне,
и реальностью ледяной
и примиреньем с ней.

* * *

Еще одна реальность в дверь стучит,
в окно, в висок, в свернувшуюся набок
башку. И противопожарный щит –
огонь любви не сдержит – и не надо!

Я отдаюсь ей, встав, исполнив гимн,
расположив слова по нарастающую.
Свой голос тихий слышу – стал другим,
а раньше бы трубил во всё желанье...

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Изяслав Винтерман

Огонь на двоих: книга стихотворений

Корректор
Марина Комарская

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 15.11.2015 г.

Формат: 148x148 1/16

Тираж: 400 экз.